

Ф. Горенштейн.

Чехов и мыслящий пролетарий

Русская мысль. 6 августа 1981 года.

Это не рецензия, не критический разбор, это отклик литератора на еще одну книгу о творчестве Чехова.

Книга не относится к разряду сенсационных, не знаю, найдет ли она массового читателя даже в узких масштабах русской эмиграции. Но я ее прочел с интересом. Речь идет о книге Э. Бройде «Чехов. Мыслитель. Художник», изданной во Франкфурте-на-Майне в 1980 году.

Автор проделал большую рутинную работу, использовал в своей книге широкий круг советской, русской дореволюционной, а также зарубежной литературы о Чехове. А подобный литературный труд в период, когда литературу захлестнула «игра», стремление любой ценой сказать ни на что не похожее, подобный труд вызывает уважение. Это, однако, не значит, что книга интересна только черновой своей работой, только подбором материала.

Материал систематизирован идеей автора, и творчество Чехова рассмотрено под углом зрения его антиидеологичности. Это достоинство книги, но здесь кроются и ее недостатки.

В главе «Символика «Вишневого сада» автор пишет: «Чехов показывает сущность грядущей идеологии: разрушение культуры, мироздания – облечено покровом возвышенных слов». С этим нельзя не согласиться. Но почему же тогда милая, добрая Аня под влиянием возвышенных слов Трофимова отрекается от вишневого сада, который она любит и наследницей которого должна стать?

«Аня (всплескивая руками) Как хорошо вы говорите! Что вы со мной сделали, Петя. Отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде...»

Ну, допустим, Аня молода и неопытна. Но отчего тогда купец Лопухин, человек расчетливый, народно-капиталистический, так же попадает под влияние говорливого студента Трофимова? «...наши внуки, правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй». Откуда эта массовая доверчивость к «возвышенным» словам? Почему столько лет доверял этим словам умный, морально чистый дядя Ваня?

Э. Бройде пишет: «Инквизиторская партийщина утвердилась, как закон поведения и мышления...» Это правда. Но это только часть правды. Причем не главная ее часть. Виноваты «бесы» - подсказывает идеолог Достоевский. Верховенские, Ставрогины, Серебряковы... «Интернационалка»... Подкупили иностранным золотом, обманули, совратили, запугали...

Люди, однако, не так глупы и доверчивы, как это кажется. Для того, чтобы превратить значительную часть мыслящих людей, значительную часть молодежи в, по выражению черносотенного публициста Пуришкевича, «пушечное мясо революции» - нужны особые обстоятельства. Вот один из представителей этого «пушечного мяса революции», главный герой чеховского «Рассказа неизвестного».

«Неизвестный, - пишет Бройде, - напоминает современному читателю беженца из «Лагерь Неволы», постепенно выходящего из футляра идеологии... Характерно, - продолжает Э.Бройде, - умозаключение Неизвестного: «Можно служить истине независимо от принадлежности к той или другой категории или партии».

Неизвестный ушел от революции, но не ушел от возвышенных слов. Очевидно в определенные исторические моменты «высокие слова» могут быть так доверчиво восприняты потому, что человек испытывает в них особую потребность. Неважно, о чем эти слова. Можно объединить людей вокруг «высоких» слов о питьевой воде. Но для этого надо, чтобы вокруг была жаркая безводная пустыня. Возвышенные слова звучали и в Синае тысячелетия назад, звучали и в Назарете. Таким образом проблема в том, каким образом Идея становится идеологией и что такое, собственно, идеология, то есть каким

образом высокие слова погибают, но продолжают жить уже вурдалаком, высасывающим живую кровь из тех, кто ими поработен.

В главе «Исследования психофизиологии бытия, как преодоление идеологических спекуляций» Э.Бройде пишет: « Всем своим творчеством Чехов как бы исследовал, выявлял извечную психофизиологию общественного бытия, что и позволяло ему противостоять различным идеологическим спекулянтам, опирающимся, как и сейчас, на искажение сложности мира. Чехов показал, что идеология всегда препарировать действительность, загоня Жизнь в узкие партийные рамки».

Значит идеология имеет привлекательность для людей именно в момент потери ими доверия к окружающей их жизни, благодаря оскудению прошлых идеалов. Идеология делает жизнь проще, понятней, устойчивей. Она обманывает людей подобно тому, как морфий облегчает их жизнь.

Если мы будем рассматривать коренные революционные сдвиги как результат деятельности людей аморальных, бесов, то рискуем остаться вне живых процессов, вне Бытия, внутри всех тех же партийных рамок, пусть и с противоположным знаком. Поэтому, для того, чтобы понять, как рождаются идеологии, мы должны понять, как рождаются идеологи. В частности, оставаясь в пределах нашей темы, как родились Серебряковы, Коврины, Трофимовы... Носители идеологии и ее первые жертвы. В России идеология в основном стала продуктом разночинного сословия, существовавшего и до отмены крепостного права. У Тургеневского Базарова уже существует ясная, стройная идеологическая схема, имеющая в своей основе весьма важный, если не основополагающий идеологический элемент – разрыв с культурой, объявление культуры в лучшем случае второстепенной, а то и вовсе ненужной, отвлекающей от труда формой деятельности. После отмены крепостного права началось обнищание дворянства и превращение многих выходцев из помещиков в «мыслящих пролетариев». Массовый приток в разночинное сословие «мыслящих пролетариев» дворянского происхождения, а также приход в него «мыслящих пролетариев» из наиболее деятельных представителей освобожденных низов, сделали этот промежуточный слой наиболее активным и динамичным.

Но где взять поле деятельности в стране, чьи государственные интересы господствуют над общественными? Сама жизнь указала направление: бескрайний океан живущего родовым сознанием крестьянства.

Либерализм (неразрывно связанный с культурой), на который всегда подозрительно косилась чиновная государственность, был отвергнут и осмеян уже первыми идеологами народниками. Либерализм сал врагом двух правительств – правящего чиновного и теневого, партийного.

Нищета и гонимость первых идеологов, их принципиальный разрыв с культурой, массовость их крестьянской аудитории, лишенной индивидуализма, выработали основные идеологические приемы. Эти приемы не изменились по своей сути и позднее, когда произошло чисто внешнее, формальное примирение разночинцев с культурой, и когда под воздействием экономических потребностей разночинец-естественник: механик, врач, ветеринар, агроном был допущен в чиновную Россию. А разночинец-естественник проложил путь разночинцу-гуманитарю, явлению уже вовсе убудочному, ибо если Базаровы и фон Корены хотя (бы) были последовательны в своем отрицании культуры, то Серебряковы, отрицая крайности отцов, паразитировали на культуре, выедавая живую сердцевину, превращали ее в труху.

В главе – «Слово у Чехова – противоборство Культуры с Идеологией» - Э. Бройде пишет: «В произведениях Чехова слово становится ареной противоборства правды и лжи, культуры с замкнутостью партийно-идеологических футляров».

Далее дается подробный, обстоятельный разбор в этом направлении ряда рассказов Чехова: «Невеста», «Убийство», раннего рассказа «Княгиня».

Действительно авторское слово Чехова и слово персонажей, душевно близких к автору, тонко, мягко, лаконично и противостоит трескучей фразистости «идеологических слов». Нам, однако, все-таки придется возвратиться к вопросу, поставленному в самом начале статьи. Почему же этим лживым словам верят, и верят не только люди глупые и ущербные? Почему прозрение либо не наступает, либо наступает слишком поздно? Почему чеховский неизвестный ушел из террора, а Степняк-Кравчинский, Желябов, Засулич, Перовская, люди, в личной честности которых не приходится сомневаться, остались в терроре?

Э.Бройде, избрав в Чехове одну тему, показав Чехова как разоблачителя красивых фраз, идеологической партийной футлярности, сосредоточил наше внимание на важном моменте в творчестве писателя, моменте, которому прежде недостаточно много уделялось внимания. И это сильная сторона книги. Но Чехов писатель многоплановый, и рассматривать его творчество под столь узким углом зрения, значит лишать его произведения художественной плоти.

Чехов в отличие от Салтыкова-Щедрина или Г.Успенского рисует человека с его страстями, а не представителя определенного общественного направления, идеолога или антиидеолога. Однако, как это нередко случается, именно потому, что Чехов выступает как художник, он дает ответы на политические и социальные вопросы своего времени гораздо глубже, чем это делают многие социальные и политические писатели. Давая широкую, многостороннюю картину жизни России того времени: чиновничества, крестьянства, духовенства, интеллигенции, Чехов отвечает на вопрос – кто виноват в том, что люди попадают в рабство к цепким, но примитивным и неумным идеологам. Чехов показывает, что «новые», «высокие», «красивые» слова являются продуктом старого, чиновно-бюрократического порядка. Чехов показывает, что «партийщина» и «футлярность» являются по сути не противниками, а законными наследниками прошлых чиновно-бюрократических властителей. Те же демократические завоевания дореволюционной России, которые достигнуты ценой тяжелых жертв и долгих лет, являются результатом деятельности не Нечаева и не Маркова 2-го, а как раз культурно-либеральных кругов, в одинаковой (степени) ненавидимых как первым так и вторым. Отсутствие у человека выбора – вот основа трагической темы у Чехова, темы, ярко проявившей себя в жизни XX века.

Ловкий проходимец-бес и чистая, наивная жертва его, это скорее атрибуты авантюрного романа. И те, кто хотят рассматривать прошлую историю России именно в этом жанре для построения своих собственных идеологических схем, вряд ли будут нуждаться в Чехове. Но тем, кого привлекает в литературе ее внутренняя красота, а также внешняя отделка слога, кто ставит эти качества выше «общественной пользы», не смогут обойтись без Чехова на протяжении всей своей жизни.

И поэтому недостатки серьезной работы о Чехове не должны уменьшать интереса к ней.